

УДК 316

DOI 10.23683/2227-8656.2017.5.20

**ИНСТИТУТЫ
ГРАЖДАНСКОГО
ОБЩЕСТВА
И ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ
В ОБЩЕСТВЕННОМ
МНЕНИИ НА СЕВЕРНОМ
КАВКАЗЕ: НА ПРИМЕРЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ
И КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССИИ¹**

**INSTITUTIONS
OF CIVIL SOCIETY
AND CIVIC PARTICIPATION
IN PUBLIC OPINION
IN THE NORTH CAUCASUS:
THE EXAMPLE
OF KABARDINO-BALKARIA
AND KARACHAY-
CHERKESSIA**

Шогенов Мурат Замирович

Кандидат психологических наук, доцент,
Кабардино-Балкарский государственный
университет,
г. Нальчик,
e-mail: mshogenov@gmail.com

Murat Z. Shogenov

Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor,
Kabardino-Balkarian State University,
Nalchik,
e-mail: mshogenov@gmail.com

Гуня Алексей Николаевич

Доктор географических наук, старший
научный сотрудник Института географии
Российской академии наук,
профессор кафедры философии,
Кабардино-Балкарский государственный
университет,
г. Нальчик,
e-mail: gunyaa@yahoo.com

Alexey N. Gunya

Doctor of Geographical Sciences,
Senior Researcher,
Institute of Geography
of Russian Academy of Sciences,
Professor,
Kabardino-Balkarian State University,
Nalchik,
e-mail: gunyaa@yahoo.com

---

¹ Настоящая статья подготовлена в рамках международного научно-исследовательского проекта, финансируемого Седьмой рамочной программой научных исследований Европейской комиссии «Внутренние и внешние источники стабильности / нестабильности на Кавказе» (www.ISSICEU.eu).

Машуков Хызыр Вячеславович

Магистрант Института социальной работы,
сервиса и туризма,
Кабардино-Балкарский государственный
университет,
г. Нальчик,
e-mail: khiz@kbsu.ru

Khyzyr V. Mashukov

Master's Degree Student,
Institute of Social Work, Service
and Tourism,
Kabardino-Balkarian State University,
Nalchik,
e-mail: khiz@kbsu.ru

Чеченов Аслан Магомедгериевич

Кандидат философских наук, доцент,
Кабардино-Балкарский государственный
университет,
г. Нальчик,
e-mail: a.chechenov@mail.ru

Aslan M. Chechenov

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Kabardino-Balkarian State University,
Nalchik,
e-mail: a.chechenov@mail.ru

Чемаев Назир Азретович

Кандидат философских наук, доцент,
Кабардино-Балкарский государственный
университет,
г. Нальчик,
e-mail: nazir-che@yandex.ru

Nazir A. Chemaev

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Kabardino-Balkarian State University,
Nalchik,
e-mail: nazir-che@yandex.ru

В настоящей статье представлены результаты комплексного социологического исследования общественного мнения жителей Северного Кавказа в отношении институтов гражданского общества и гражданского участия на примере республик Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия. На основе качественных и количественных эмпирических данных проведен анализ того, что понимает под гражданским обществом население республик, в чем видит основную цель гражданского участия, а также какова в представлениях респондентов связь между гражданским обществом и стабильностью.

This article discusses the results of a comprehensive sociological survey of public opinion on civil society institutions and civic participation in the North Caucasus on the example of the republics of Kabardino-Balkaria and Karachay-Cherkessia. On the basis of qualitative and quantitative empirical data, an analysis of the understanding of civil society by the population of the republics is made. Also the main goal of civic participation, and the relationship between civil society and social stability is revealed.

Ключевые слова: Северный Кавказ, гражданское общество, региональная политика, политическая стабильность.

Keywords: North Caucasus, civil society, regional policy, political stability.

Введение

Гражданское общество на Северном Кавказе является одним из наиболее актуальных дискурсов, однако связанные с ним дебаты представляют собой лишь некую ойкумену, ограниченную традиционным пониманием гражданского общества как ключевого показателя демократизации политической системы. К сожалению, наиболее интересная с

аналитической точки зрения сторона этой проблематики, представленная локальными моделями и проявлениями гражданского общества, привлекает гораздо меньшее внимание исследователей.

Несмотря на недостаточно демократические с конвенциональной точки зрения основы местных систем управления, неформальные, но глубоко укоренившиеся способы гражданского участия приносят существенный вклад в обеспечение локальной стабильности в регионе. Особый интерес, на наш взгляд, ненормативный подход к изучению институтов гражданского общества приобретает в контексте представлений о гибридном характере систем государственного управления и самоуправления в различных республиках Северного Кавказа. Институциональная гибридность выражается в одновременном сосуществовании как формальных официальных институтов и правил, так и различных неформальных, традиционных для местных сообществ региона моделей и практик социального и гражданского участия [1]. В условиях слабого присутствия институционального государства на местном уровне субъектов региона, где контроль над распределением власти и ресурсов порой ограничен, эти практики ежедневно разрешают наиболее актуальные для локальных интересов проблемы, тем самым фактически исполняя роль аутентичных для местных сообществ институтов гражданского участия и самоуправления [2]. Вместе с тем в связи с дефицитом подобных исследований на местном уровне на Северном Кавказе идентифицировать и выделить стабилизирующий потенциал и дестабилизирующие факторы все еще достаточно сложно.

Настоящая работа основана на результатах, полученных в ходе комплексного социологического исследования, посвященного актуальным проблемам общественной жизни и тенденциям развития гражданского общества, проведенного в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии в 2014–2015 гг. В основу исследования лег оригинальный методологический подход эмпирического изучения роли гражданского общества в обеспечении социальной стабильности на уровне местных сообществ [3]. Основная цель проведенного исследования не сводилась к собственно оценке уровня демократизации местных политических систем или же идентификации существования или отсутствия нормативного гражданского общества. Главный интерес заключался в возможности изучения институционального потенциала неформальных локальных проявлений гражданского общества в обеспечении стабильности внутрисоциальных отношений.

Выбор указанных республик был не случаен. С одной стороны, они являются типичными представителями Северо-Кавказского феде-

рального округа с точки зрения общественно-политических и экономических трендов. С другой стороны, республики являются как бы близнецами с точки зрения этнической композиции титульных народов, формирующих властные элиты. Фактически это единственные субъекты на Северном Кавказе, сохранившие свою этноадминистративную структуру и соответствующее территориальное устройство с советских времен. Этот аспект, как будет показано далее, также привносит свой вклад в локальную динамику гражданской активности. Наибольшие отличия касаются степени централизации республиканской власти. Кабардино-Балкария (КБР) демонстрирует высокую степень централизации, подразумевающую широкий контроль государства (республиканских властей) над локальным уровнем. Карачаево-Черкесия (КЧР) представляет собой регион с относительно меньшей силой вертикали власти и определенной автономией уровня местных сообществ [4]. В соответствии с данными Всероссийской переписи населения 2010 г., большая часть населения КБР представлена кабардинцами – 57 %, в то время как русские составляют около 23 %, а балкарцы – 13. В КЧР карачаевцы, имеющие этническую общинность с балкарцами, составляют 41 % от населения, русские – 32, 12 % представлено черкесами, которых, в свою очередь, объединяет единство этнического происхождения с кабардинцами [5].

Эмпирические материалы исследования включают в себя два набора данных – качественных и количественных. Количественные данные представлены результатами опроса общественного мнения выборочной совокупностью в общей сложности 1000 человек для обоих субъектов ($N=500 + N=500$). Репрезентативность выборки обеспечивалась квотами, разработанными в соответствии с ключевыми социально-демографическими характеристиками населения республик на основе данных, уточненных в республиканских территориальных органах Федеральной государственной службы статистики. Инструментарий опроса была разработан коллективом авторов в рамках исследования на тему «Гражданское общество и гражданское участие на Южном Кавказе» по проекту «Внешние и внутренние источники стабильности на Кавказе», финансируемому Седьмой рамочной программой Европейского союза (2014–2016 гг.) [6]. С небольшими региональными адаптациями анкета была использована для опроса и в рамках настоящего исследования.

Качественная часть данных исследования представлена результатами глубинных полуструктурированных интервью с представителями гражданского общества и местных общественных организаций двух республик. Каждая серия интервью заканчивалась совместным семина-

ром с участием указанных общественных деятелей, а также представителей академического и экспертного сообщества. На этих встречах обсуждались предварительные результаты опроса общественного мнения и серий интервью, полученные в каждой республике. Кроме того, дополнительно были проанализированы несколько специфических для каждой республики кейсов, имеющих отношение к гражданской активности, в том числе и ее неформальных проявлений на уровне местных сообществ.

В данной статье представлены результаты, полученные в рамках одного из ключевых аналитических вопросов, поставленных в ходе основного исследования. А именно *каково общественное мнение в отношении институтов гражданского общества и гражданского участия как формы социальной активности среди местных сообществ?* На основе результатов проведенных ранее авторским коллективом исследований [7], а также других данных было сформулировано гипотетическое предположение о том, что *в общественных оценках в целом существует неопределенность в отношении того, что понимать под гражданским участием, что, соответственно, выражается в недоверии к формальным институтам гражданского общества, таким как общественные организации, а также в целом в неготовности к широкому формальному гражданскому участию.*

Перед тем как перейти к результатам исследования, необходимо выделить вкратце региональный общественно-политический контекст, важный для понимания выявленных в общественном мнении населения двух республик тенденций. Институты гражданского общества на Северном Кавказе и в частности в двух исследуемых республиках формировались в сложных условиях постсоветского государственного строительства. Мобилизованные по национальному признаку общественные организации стали едва ли не первыми формальными институтами гражданского общества, появившимися под влиянием растущих в местных сообществах этнической и политической идентичностей конца 1990-х – начала 2000-х гг. Эти организации пользовались наиболее значительным среди населения мобилизационным потенциалом и играли одну из ключевых ролей в региональной политической жизни. Многие из них до сих пор ассоциированы в общественном мнении с периодом политической нестабильности того периода, когда обе республики были на грани разделения на новые моноэтнические субъекты. Однако республиканским властям все же удалось преодолеть кризис тех лет, а позднее, при поддержке федерального центра, с помощью совокупности формальных правовых механизмов и неформальных методов удалось

практически вытеснить эти организации из политического пространства. Некоторые общественные организации, включая наиболее одиозные, были успешно кооптированы властями через их лидеров [8]. Статус других организаций был последовательно дискредитирован, и многие из них находятся на грани запрета за осуществление экстремистской деятельности. Вместе с тем национальные общественные организации продолжают играть роль влиятельных акторов как для государства, так и для местных сообществ, и они по-прежнему связаны с наиболее заметными новостными поводами. Государство достаточно часто использует ресурсы некоторых национальных общественных организаций для легитимации противоречивых управленческих решений. В свою очередь, представители локальных сообществ на уровне поселений, не имея эффективных механизмов воздействия на местные властные элиты, обращаются для решения насущных проблем к общественным организациям как каналу взаимодействия с республиканскими или федеральными органами власти [8].

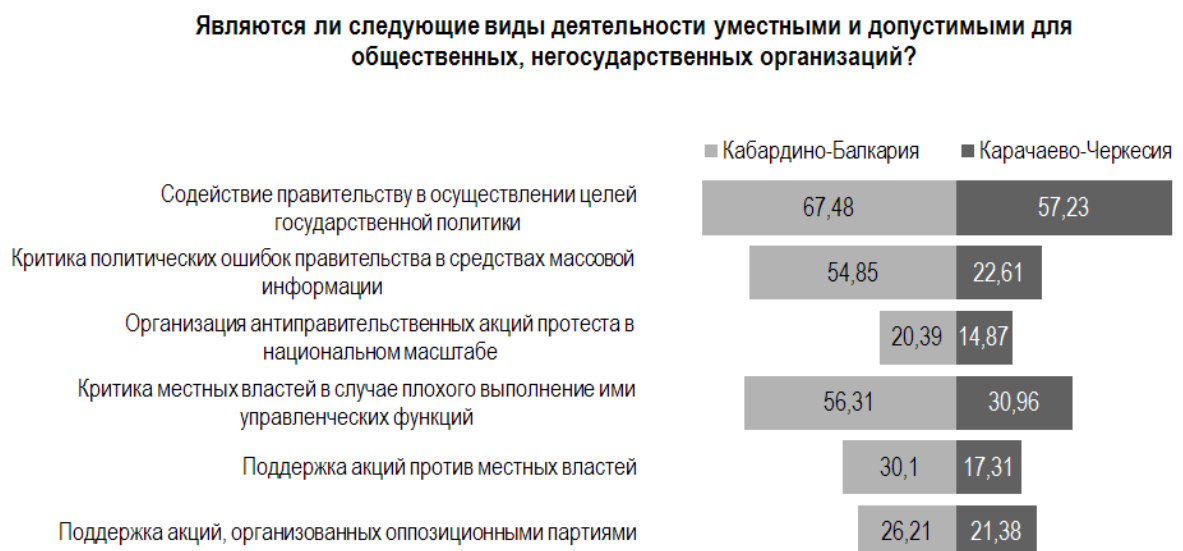
На рис. 1 представлены результаты оценок опрошенных в отношении добровольной общественной деятельности, осуществляемой НПО или общественными группами не по инициативе государства или органов власти, с точки зрения государственных, общественных и частных интересов. Почти треть респондентов в обеих республиках затруднились ответить, что демонстрирует существующую в общественном мнении значительную неопределенность. Далее следует ответ «как форму помощи государству в деле достижения общенациональных целей» – 19,9 % в КБР и 25,46 % в КЧР. На третьем месте в КБР оказался ответ «как альтернативу неэффективным государственным учреждениям и структурам» – 14,08 %, в то время как в КЧР эта альтернатива набрала 11,12 % ответов. Существующие в республиках различия оценок позволяют сделать вывод о более выраженном на момент опроса критицизме по отношению к государству среди населения КБР.

Эти выводы подтверждаются оценками респондентов в отношении уместных и допустимых для общественных, негосударственных организаций видов деятельности (рис. 2). Вслед за наиболее популярным в обеих республиках ответом «содействие правительству в осуществлении целей государственной политики» больше половины опрошенных в КБР – 54,23 % – согласны с тем, что общественные организации вправе критиковать правительство за политические ошибки в СМИ. В сравнении эта альтернатива набрала лишь 22,61 % в КЧР. Количество тех, кто поддерживает право общественных организаций критиковать местные власти в случае плохого выполнения ими управленческих функций, со-

ставляет 56,31 % в КБР и 30,96 % в КЧР. Другое заметное отличие между республиками наблюдается в выборе альтернативы «поддержка акций против местных властей» – 30,1 и 17,31 % в КБР и КЧР соответственно.

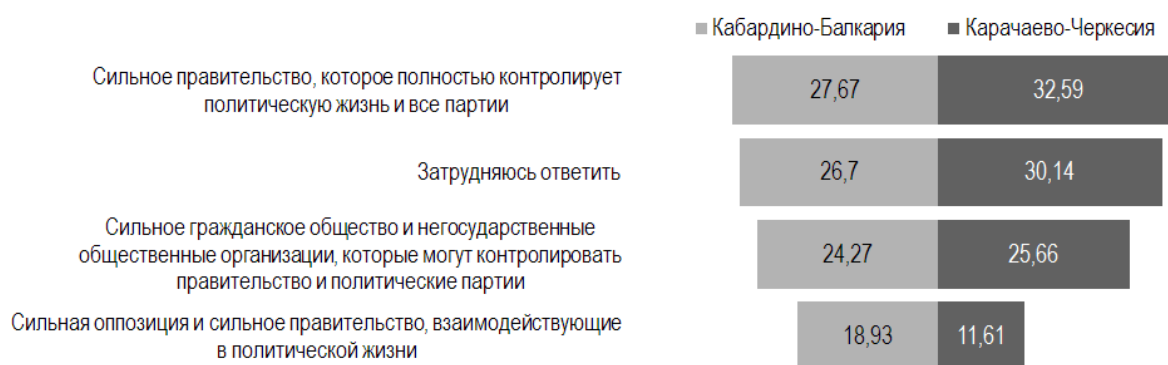
Рис. 1. Общественное мнение в отношении добровольной общественной деятельности

Рис. 2. Допустимые для общественных организаций, по мнению опрошенных, виды деятельности

Схожие различия наблюдаются в распределении оценок респондентов в отношении того, что, по мнению опрошенных, больше способствует стабильности (рис. 3). Количество респондентов, убежденных в том, что сильное правительство, которое полностью контролирует политическую жизнь и все партии, лучше для стабильности, меньше в КБР – 27,67 % против 32,59 в КЧР. Соответственно, тех, кто считает, что сильная оппозиция и сильное правительство должны взаимодействовать для обеспечения стабильности в политической жизни, несколько больше в КБР, чем КЧР, – 18,93 и 11,61 % соответственно.

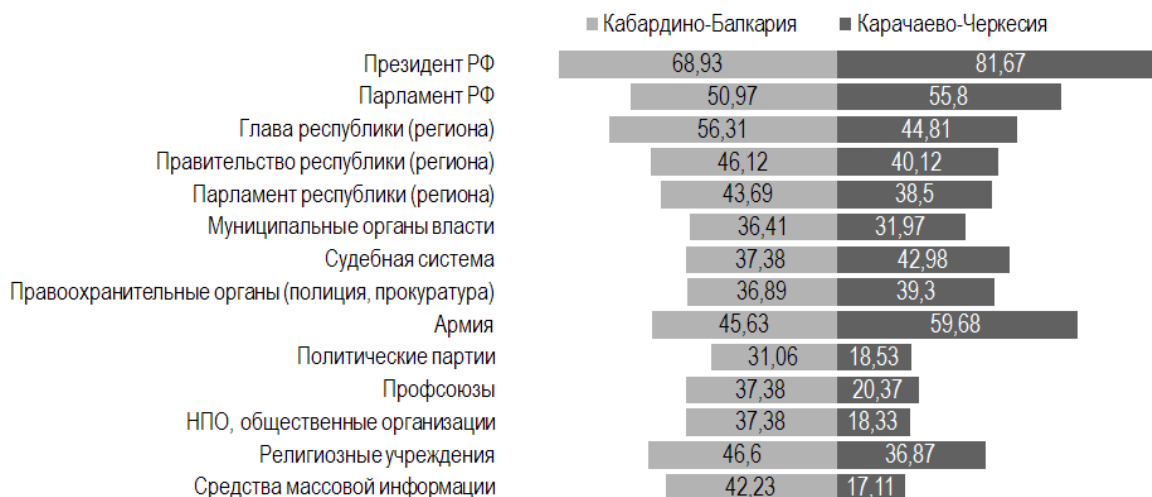
Что, по Вашему мнению, больше способствует стабильности?

Рис. 3. Государство и гражданское общество как факторы стабильности

Несмотря на то что в рейтинге доверия к различным институтам общественные организации находятся в обеих республиках не на первых местах, в КБР им доверяет вдвое больше респондентов – 37,38 против 18,33 % в КЧР (рис. 4).

Пожалуйста, оцените свой уровень доверия к следующим политическим и гражданским институтам

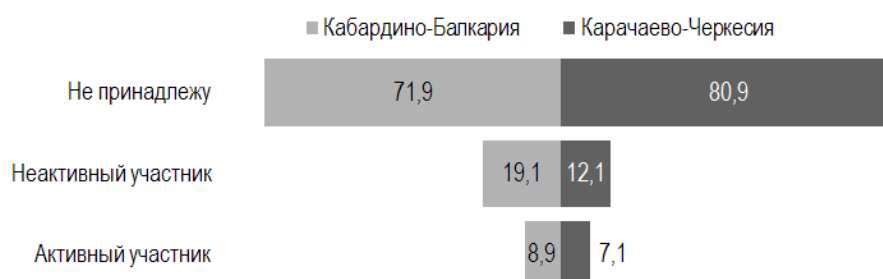

Рис. 4. Доверие к различным институтам

Соответственно, и доля респондентов, принимающих в той или иной степени активное участие в общественных движениях, незначительна в обеих республиках с незначительным перевесом в КБР (рис. 5).

Укажите, пожалуйста, для каждой из перечисленных организаций, насколько активное участие Вы в них принимаете.

Рис. 5. Участие в формальных общественных объединениях (представлена сумма ответов для следующих типов НПО: церковь или религиозная организация, спортивная или рекреационная организация, организация в сфере культуры или образования, профсоюз, политическая партия, экологическая организация, профессиональная ассоциация, гуманитарная или благотворительная организация, общество потребителей, группа взаимопомощи и другие организация)

Выявленные различия в оценках гражданского общества в республиках были далее интерпретированы с использованием результатов качественных интервью и анализа специфических кейсов гражданской республиках.

Обобщая качественные данные, можно заключить, что существующие в республиках тенденции в значительной степени связаны с институциональным наследием советской национальной политики. Возвращаясь к вопросу о национально-административном устройстве республик, необходимо отметить, что этническая идентичность продолжает оставаться одним из ключевых факторов, формирующих региональные общественно-политические тренды. Роль этничности претерпела множество преобразований, связанных с процессом федерализации России 1990-х гг. Вместе с тем национально-административное устройство республик, созданное Советским государством, наряду с формальными институтами и маркерами государственной автономии республик, по сей день обеспечивает воспроизводство территориальной и политической идентичности для жителей региона.

Указанный фактор находит свое выражение в процессах и явлениях специфических, но имеющих в обеих республиках отношение к этничности. Эти процессы являются ключевыми пунктами актуальных повесток местных национальных общественных организаций, что, в свою очередь, оказывает влияние на уровень доверия к ним со стороны населения, а в их лице – к институтам гражданского общества как таковым. В частности, можно выделить следующие три взаимосвязанных и часто пересекающихся вопроса: 1) распределение этнических квот на замещение государственных должностей; 2) распределение власти среди правящих элит, выражающееся в большей или меньшей степени централизации власти на республиканском уровне и способности контролировать власть и ресурсы на уровне местных сообществ; 3) оспариваемые территориально-административные границы этнических районов и отдельных поселений внутри республик. Последнее в КБР дополняется противоречивыми земельными и административными реформами, вызывающими обострение конфликтов за ресурсы на локальном уровне [9].

Советская неофициальная традиция *этнического квотирования* в органах власти, даже в ее современном формалистском технократическом стиле, по сей день считается одним из ключевых факторов стабильности. Республиканские власти традиционно строго следуют этим правилам, что вместе с тем не ограничивает возможности контроля существующих (полинациональных) властных элит над процессом элитообразования. Однако национальные общественные организации и ассоциированные с ними индивидуальные акторы, в особенности те, что представляют национальные в республиках меньшинства, придают вопросу справедливого квотирования едва ли не наибольшее значение. Эти организации внимательнейшим образом отслеживают самые незначительные изменения в этнической структуре назначений на государственные посты и незамедлительно реагируют на существующие, по их мнению, нарушения квот (ссылка на статью по квотированию).

Вопрос этнического квотирования, в свою очередь, тесно связан со степенью централизации власти в республиках. Сильная вертикаль власти, которую можно наблюдать в Кабардино-Балкарии, позволяет республиканским властным элитам эффективно распространять свое влияние до уровня местных поселений с точки зрения контроля как над формированием локальных управленческих структур, так и над распределением локальных ресурсов. Острой конкуренции за власть и ресурсы в среде консолидированной управленческой элиты практически не наблюдается. Но периодически возникают ситуации конфликтов за ло-

кальные ресурсы между республиканскими элитами и местными гражданскими активистами. Одна из причин тому – нереализованная земельная реформа, что выражается в спорах по вопросам статуса сельскохозяйственных земель, доступа к ним, а также административных границ поселений, расположенных на стыках традиционных ареалов этнического расселения. В связи с замороженной земельной реформой местные сообщества ограничены в доступе к сельскохозяйственным землям вблизи поселений и не могут влиять на решения по их распределению. Формально решения принимаются на районном муниципальном уровне, но фактически на республиканском и соответствующих элит. Эта ситуация осложняется административными реформами, призванными оптимизировать муниципальное управление через включение небольших этнически однородных поселений в более крупные городские агломерации. Национальные общественные организации принимают участие в ресурсных спорах как между отдельными поселениями, так между республиканским уровнем и локальными акторами. Эти процессы достаточно устойчивы во времени и являются одним из факторов относительно меньшего доверия населения к республиканским властям и, соответственно, больших ожиданий от общественных организаций к КБР в сравнении с КЧР.

Карачаево-Черкесия представляет противоположный пример, где централизация власти относительно меньше выражена и централизованные земельные реформы были успешно имплементированы. Конфликты в среде республиканских элит за власть и ресурсы находят свои выражения на разных уровнях, включая локальный. Этническая идентичность, как и национальные общественные организации, также вовлечена в эти конфликты, хотя в несколько других, нежели чем в Кабардино-Балкарии, формах. Мобилизационный ресурс этих организаций активно используется в интересах отдельных влиятельных акторов в обмен на финансовое покровительство. К примеру, черкесские организации обвиняют в том, что под видом защиты этнических прав они организуют акции протеста в поддержку какого-либо высокопоставленного чиновника, чьи интересы во власти или бизнесе под угрозой. Таким способом некоторым акторам удается сохранить статус и ресурсы в происходящих между республиканскими элитами конфликтах. Данный фактор, в частности, влияет на низкий уровень доверия к национальным общественным организациям, деятельность которых ассоциирована с удовлетворением частных интересов. Другим специфическим для Карачаево-Черкесии аспектом, влияющим на уровень доверия к указанным организациям, является то, что они все еще ассоциированы в

глазах местной общественности с периодом кризиса республиканской власти середины 2000-х гг., в конфликты за которую они также были активно вовлечены.

Подводя итоги, можно заключить, что в целом выдвинутая гипотеза о существующей в общественных оценках неопределенности в отношении того, что понимать под гражданским участием, подтвердилась. Выявлены невысокий уровень доверия к формальным институтам гражданского общества, таким как общественные организации, а также неготовность к широкому формальному гражданскому участию.

Определяющими общественное мнение в отношении гражданского общества являются ключевые, на сегодняшний день, акторы в формализованном пространстве гражданских институтов – национальные общественные (в прошлом общественно-политические) движения. Доминирование данного типа организаций в значительной степени связано с наследием советской национальной политики. Советское национально-административное устройство республик с соответствующими маркерами государственной автономии все еще обеспечивает воспроизводство территориальной и политической идентичностей для их жителей, что находит выражение в общественно-политических процессах, имеющих отношение к этничности. Эти вопросы являются основными пунктами националистических повесток указанных организаций и, соответственно, оказывают влияние на невысокий уровень доверия к ним со стороны населения. Кроме того, большинство из национальных общественных движений все еще в значительной степени ассоциированы в общественном мнении с политической нестабильностью периода постсоветского государственного строительства. Существующее по отношению к национальным НПО недоверие распространяется, в свою очередь, на институты гражданского общества в целом и восприятие их как чего-то тесно связанного с политикой и властью. Доля неполитического гражданского сектора в республиках в настоящее время крайне незначительна, чтобы влиять на изменение сложившихся в общественном мнении оценок.

Однако, несмотря на оппозиционный характер деятельности и невысокий уровень доверия со стороны населения, национальные общественные организации все еще занимают свою весьма специфическую нишу и играют определенную стабилизирующую роль. В обеих республиках выделяются три основных и взаимосвязанных вопроса, за исполнением которых не только традиционно наблюдают, но и часто активно участвуют национальные НПО: 1) распределение этнических квот на замещение государственных должностей; 2) распределение власти сре-

ди [национальных] правящих элит; 3) оспариваемые территориально-административные границы этнических районов и отдельных поселений. Кроме того, локальные сообщества на уровне поселений используют ресурс организаций как способ обойти информационные фильтры на пути к органам власти более высокого уровня как для решения насущных проблем, так в ходе конфликтов с местными властными элитами. В свою очередь, государство (республиканские органы власти) обращается за помощью к общественным организациям для легитимации в общественном мнении противоречивых решений. При этом, вне зависимости от характера решаемых вопросов, национальные организации вступают как в публичные формализованные союзы, так и скрытые от широкой общественности договоренности с другими акторами. Подобные гибридные союзы общественных организаций, государства и местных сообществ достаточно помогают разрешать конфликты за власть и ресурсы в процессуальных ненасильственных рамках, тем самым обеспечивая стабильность и предсказуемость общественных отношений на локальном уровне.

Литература

1. Гуня А.Н., Кёлер Я., Цюркхер К. Эмпирические исследования локальных конфликтов. Ч. 1 : Введение в методологию и методы полевых исследований. М. : Медиа-Пресс, 2008. 151 с.

2. Gunya A., Tenov T., Shogenov M., Chechenov A. Analysis of governance strategies in the North Caucasian republics with respect to conflict regulation and development // *Caucasus, the EU and Russia - Triangular Cooperation?* / Michèle Knodt, Sigita Urdze (Ed.). 2015. P. 37–58.

3. Шогенов М.З., Гуня А.Н., Тенов Т.З., Чеченов А.М., Чемаев Н.А. Гражданское общество и социальная стабильность на Северном Кавказе: особенности методологического подхода к эмпирическому исследованию // *Социально-гуманитарные знания*. 2016. № 12-2. С. 63–70.

4. Гуня А.Н., Тенов Т.З., Шогенов М.З., Чеченов А.М. Влияние различных стратегий управления на характер регулирования конфликтов и развития северокавказских республик // *Научная мысль Кавказа*. 2015. № 3 (83). С. 89–94.

References

1. Gunya A.N., Keler Ya., Tsyurkher K. Empiricheskie issledovaniya lokal'nykh konfliktov. Ch. 1 : Vvedenie v metodologiyu i metody polevykh issledovaniy. M. : Media-Press, 2008. 151 p.

2. Gunya A., Tenov T., Shogenov M., Chechenov A. Analysis of governance strategies in the North Caucasian republics with respect to conflict regulation and development // *Caucasus, the EU and Russia - Triangular Cooperation?* / Michèle Knodt, Sigita Urdze (Ed.). 2015. Pp. 37–58.

3. Shogenov M.Z., Gunya A.N., Tenov T.Z., Chechenov A.M., Chemaev N.A. Grazhdanskoe obshchestvo i sotsial'naya stabil'nost' na Severnom Kavkaze: osobennosti metodologicheskogo podkhoda k empiricheskomu issledovaniyu // *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2016. № 12-2. P. 63–70.

4. Gunya A.N., Tenov T.Z., Shogenov M.Z., Chechenov A.M. Vliyanie razlichnykh strategiy upravleniya na kharakter regulirovaniya konfliktov i razvitiya severokavkazskikh respublik // *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 2015. № 3 (83). P. 89–94.

5. Результаты Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной государственной службы статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 29.06.2017).

6. Hoffmann K., Lehmkuhl D. et al. Trust and Civic Participation. Survey Data from the Caucasus. ISSICEU Working Paper, University of St. Gallen, 2016.

7. От понимания локальных конфликтов к использованию шансов развития: введение учебных модулей по исследованию конфликтов в университеты Северного Кавказа и Средней Азии [Электронный ресурс]. URL: <http://conflict-development.com> (дата обращения: 29.06.2017); Государственное строительство, стабильность и насильственный конфликт. Институциональные рамки в переходных обществах Кавказа и Средней Азии [Электронный ресурс]. URL: http://www.oei.fu_berlin.de/cscca (дата обращения: 29.06.2017).

8. Шогенов М.З., Мамхегова Л., Когатыжев Ш. История вместо закона: компенсация легитимности историческими интерпретациями в ресурсных конфликтах (на примере Кабардино-Балкарской Республики) // От понимания локальных конфликтов к использованию шансов развития : сб. науч. тр. / под ред. Я. Кёлера, А. Гуни, М. Шогенова. Берлин; Нальчик : Каб.-Балк. ун-т, 2014. Вып. 2. С. 114–149.

9. От понимания локальных конфликтов к использованию шансов развития : сб. науч. тр. / под ред. Я. Кёлера, А. Гуни, М. Шогенова. Берлин; Нальчик : Каб.-Балк. ун-т, 2014. Вып. 2.

5. Rezul'taty Vserossiyskoy perepisi naseleeniya 2010 goda [Elektronnyy resurs] // Ofitsial'nyy sayt Federal'noy gosudarstvennoy sluzhby statistiki. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (data obrashcheniya: 29.06.2017).

6. Hoffmann K., Lehmkuhl D. et al. Trust and Civic Participation. Survey Data from the Caucasus. ISSICEU Working Paper, University of St. Gallen, 2016.

7. Ot ponimaniya lokal'nykh konfliktov k ispol'zovaniyu shansov razvitiya: vvedenie uchebnykh moduley po issledovaniyu konfliktov v universitety Severnogo Kavkaza i Sredney Azii [Elektronnyy resurs]. URL: <http://conflict-development.com> (data obrashcheniya: 29.06.2017); Gosudarstvennoe stroitel'stvo, stabil'nost' i nasil'stvennyy konflikt. Institutsional'nye ramki v perekhodnykh obshchestvakh Kavkaza i Sredney Azii [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.oei.fu_berlin.de/cscca (data obrashcheniya: 29.06.2017).

8. Shogenov M.Z., Mamkhegova L., Kogatyzhev Sh. Istoriya vmesto zakona: kompensatsiya legitimnosti istoricheskimi interpretatsiyami v resursnykh konfliktakh (na primere Kabardino-Balkarskoy Respubliki) // Ot ponimaniya lokal'nykh konfliktov k ispol'zovaniyu shansov razvitiya : sb. nauch. tr. / pod red. Y. Kelera, A. Guni, M. Shogenova. Berlin; Nal'chik : Kab.-Balk. un-t, 2014. Vyp. 2. P. 114–149.

9. Ot ponimaniya lokal'nykh konfliktov k ispol'zovaniyu shansov razvitiya : sb. nauch. tr. / pod red. Y. Kelera, A. Guni, M. Shogenova. Berlin; Nal'chik : Kab.-Balk. un-t, 2014. Vyp. 2.

Поступила в редакцию

24 августа 2017 г.